

Клавдия Владимировна Лукашевич

Две сестры

Клавдия Лукашевич

Две сестры

«Public Domain»

1901

Лукашевич К. В.

Две сестры / К. В. Лукашевич — «Public Domain», 1901

«На главной улице провинциального города Зарайска стоял красивый деревянный дом, окрашенный в серо-голубоватую краску, с резными белыми карнизами и с узорчатыми окнами. Дом был двухэтажный, с мезонином, на каменном фундаменте. Кругом, за высоким забором, разросся густой, тенистый сад, и весной, когда там цвели черемуха, сирень и акации, нежный аромат распространялся далеко по улице...»

© Лукашевич К. В., 1901

© Public Domain, 1901

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Клавдия Владимировна Лукашевич

Две сестры

I

Дашета и Машета

На главной улице провинциального города Зарайска стоял красивый деревянный дом, окрашенный в серо-голубоватую краску, с резными белыми карнизами и с узорчатыми окнами. Дом был двухэтажный, с мезонином, на каменном фундаменте. Кругом, за высоким забором, разросся густой, тенистый сад, и весною, когда там цвели черемуха, сирень и акации, нежный аромат распространялся далеко по улице.

На воротах этого дома была прибита дощечка, а на шей значилось: «дом М. и Д. Носовых».

Был один из самых обыкновенных летних будничных дней. В шесть часов утра калитка в доме Носовых отворилась, и из него вышли две женщины. Одна была высокого роста, худощавая, сутуловатая. В ее темных волосах пробивалась седина; черты лица были тонкие и строгие, нос довольно большой, с горбинкою.

Годы наложили немало морщин на этом когда-то красивом лице. Небольшие карие глаза смотрели грустно на Божий мир. Одетая она была в черное пальто, и круглую с перьями шляпу, на руке держала вытертый ридикюль. Видно было, что женщина эта не придавала никакого значения наряду, – все на ней было темное и довольно старомодное, но в этом темном наряде яркую белизною выделялись манжеты и воротничок.

Другая женщина по виду была прислуга. Полная низенькая старуха в большом сером байковом платке, она переваливалась, как утка, и плелась с большою круглою корзинкою в некотором отдалении за своею барыней.

На улице просыпалась жизнь. Мужчины отправлялись кто на службу, кто на работу, женщины спешили на рынок, кое-где выбегали ребятишки, проезжали водовоз или телега.

Две кумушки остановились поболтать на перекрестке. Одна из них, увидев высокую, сутуловатую женщину, заметила как бы про себя:

– Барышня Носиха на рынок пошла.

– Да, – подхватила другая, – она хорошая хозяйка. Сестрица-то, поди, спит еще. Только и знает, что наряжается да с собаками водится.

– А что, соседка, ведь Носихам, поди, много есть годов? – спросила любопытная кумушка.

– Да вот, милая, я вам сейчас рассчитаю. Мой папенька сказывал, что ему пятнадцатый год шел, когда старик Носов этот самый дом ставил. – Она указала рукою на голубоватый дом. – А через год у них эта старшая барышня, Марья Степановна, появилась. А через пять лет и Дарью Степановну Бог дал. Теперь-то моему отцу за семьдесят будет. Вот и считайте сами...

– Да, годы немалые. Ведь, подите ж, и средства у них есть, и Марья Степановна была недуренькая, а не судьба: женихов не нашлось. Так и остались сидеть в старых девушках.

– Марья-то Степановна была сосватана, голубушка. Говорят, жених ее утонул. Она шибко убивалась и больше ни за кого идти замуж не захотела. Ну, а Дарья Степановна какая-то неумная. Да и характерна очень. Кто ж такую возьмет.

Кумушки потолковали и разошлись.

Вечером из того же дома Носовых показалась новая особа. Раньше ее из калитки выбежали две маленькие беленькие собачки, с голубыми бантиками на шее, третью она вела на шнурке: это был толстый, уродливый мопс, одетый в красную попону.

Вышедшая особа была среднего роста, полная и очень некрасивая: курносая, с выдавшимися вперед скулами, с бесцветными узкими глазами. Ее седые волосы были круто завиты на лбу, большая белая соломенная шляпа надета на затылок, на шляпе красовались розовые бутоны, ленты и перья. Платье на ней шло бледно-розовое; вокруг талии обвивалась зеленая лента, которая спускалась концами сбоку; на плечах была накинута белая стеклярусная накидка, зон-рас был палевый с широкими кружевами. Большие серьги, брошь, множество браслетов и колец довершали туалет этой особы.

Барышня прихрамывала. Она обернулась, взглянула на окна, улыбнулась и закивала головой. Из раскрытого окна в среднем этаже смотрела та самая худощавая женщина, про которую утром судачили кумушки.

– Дашеточка, вы бы одели ватерпруф; мне кажется, ветерок подымается. Я боюсь, вы простудитесь, – говорила смотревшая из окна.

– Не беспокойтесь, Машета. Я тепло оделась и погуляю недолго. Раза два пройду по городскому саду и вернусь.

– Не забыли ли вы чего-нибудь, Дашеточка? Взяли ли носовой платок, перчатки, портмоне?

– Не беспокойтесь, Машета, я ничего не забыла.

– Не гуляйте слишком долго... Станет холодно и сыро. Я буду беспокоиться.

Нарядная барышня в ответ только улыбнулась. Она оправила немного кудри на лбу и шляпку, стряхивая с платья несколько соринки и, закинув назад голову, опустив глаза, пошла со своими собаками по улице

– Возвращайтесь скорее, Дашеточка. Я буду ждать вас с самоваром, – донеслось ей издали из открытого окна. Она обернулась и молча кивнула головой. Множество любопытных глаз провожало шедшую улице особу с собаками. Многие даже высовывались окон, чтобы посмотреть на нее.

– Младшая барышня Носиха пошла гулять со своими собачками, – говорили на улице и смеялись.

– Шляпа-то, шляпа у Носихи... точно огород! – заметила шустрая черноглазая девочка.

– А бантов-то сколько! Ленты хорошие! Ишь вырядилась, точно молоденькая... А все-таки сразу видно, что старуха, – заметила ее товарка.

Уличные мальчишки бежали за нарядной барышней вслед и дразнили собак. Ни сердитые окрики, ни угрозы не могли унять шалунов.

Нередко на барышню с собаками глазели, остановившись толпою, заезжие крестьяне и вслух делали замечания.

– Матреша, а Матреша, гляди-ка, гляди, собаки-то как выражены, точно облизьяны, – говорил молодой парень, подталкивая свою рябую спутницу в синей поддевке.

– Это кто ж такая будет? – спрашивала удивленная молодая бабенка.

– Это, должно быть, актерка со своими собаками. Такая плясунья вот что в киадре пляшет.

– Так, так... Оно сейчас и видно... Нарядившись-то как!.. Матушки-светы! Пестрота какая! Хорошо!

Барышень Носовых все знали в городе, и простой народ называл их «барышни Носихи». Уж давным-давно жили они в собственном доме на «Большой» улице. Жизнь их была у всех на виду, все к ним приглядывались. Тем не менее выход младшей Носовой на прогулку со своими собаками был всегда как бы целым событием и вызывал немало толков в городе.

II

Как жили две сестры

Марья Степановна и Дарья Степановна Носовы были родные сестры. Они жили вдвоем в собственном доме, доставшемся в наследство от родителей. Дом у них был хороший и по тем местам доходный. Отдававшиеся внаем пять квартир всегда были заняты жильцами

Старые девушки жили в достатке, в свое удовольствие, родных у них никого не было. Старуха Лизавета давно служила у них одной прислугой и по-своему была привязана к барышням, хотя за глаза и не прочь была поворчать на них, особенно на Дарью Степановну.

Сестры совсем не походили друг на друга ни наружностью, ни характером.

Дарья Степановна занималась только своими собаками, своей особой и туалетами.

Марья Степановна хозяйничала и очень много работала. Вся их чистенькая квартирка была переполнена рукоделиями ее рук. Все эти салфеточки, вышитые шелками подушки, вязаные занавеси, плато из цветов, абажуры требовали много труда и терпения. Кроме того, она очень любила цветы, которыми были заставлены все окна в квартире, а летом их сад представлял роскошный цветник

Дарья Степановна считала себя еще молоденькою. Она одевалась во все светлое, туго затягивалась в корсет, ежедневно завивала на лбу кудряшки, пудрила лицо и намазывала брови. Но разве возможно вернуть ушедшую молодость?

Марья Степановна казалась старше своих лет, одевалась во все темное, и печать глубокой затаенной печали проглядывала в ее задумчивых глазах и лежала на всей преждевременно сгорбленной фигуре.

Был один пункт, на чем сестры совершенно сходились, – это педантичная аккуратность. Они были очень брезгливы, всюду видели грязь, и той чистоты, которая была заведена в их доме, невозможно описать, тут все вещи сверкали и блестели, нигде не было ни соринки, ни пылинки. Для мытья и чистки были заведены особые лоханки, тряпки, чашки, щетки, крылья, были изобретены своеобразные способы. Так, чайную посуду Марья Степановна мыла в теплой содовой воде, затем ставила сушить и тогда уже перемывала начисто в холодной воде и вытирала двумя полотенцами: одно было грубое, другое – помягче. Цветы она мыла в белых вязаных перчатках, причем расстилала на пол клеенку и половик. В кухне же чуть ли не для каждой вещи были особые мочалки, лоханки и полотенца, для всего были крышечки и дощечки. Лизавета привыкла к этой образцовой чистоте, и потому хозяйки очень ею дорожили.

Дарья Степановна в своей брезгливости шла дальше: она ничего не могла взять из чужих рук, особенно се она почему-то опасалась звонких денег и брала их не иначе, как через платок. Дома она приказывала Лизавете перемывать деньги в мыльной воде, говоря: «Они побывали в грязных руках».

Люди говорили, что барышни Носовы были скуповаты и ни для кого ничего не делали, разве Марья Степановна подаст иногда в церкви нищему копейку

Для Марьи Степановны день начинался рано, для Дарьи Степановны – поздно. Все дни, за редкими исключениями, ходили один на другой.

Когда старшая сестра возвращалась с базара, младшая только что начинала вставать с постели и возиться со своими собаками. Ее три любимицы спали у нее в комнате на стеганых матрасиках под теплыми одеялами.

– Лизанька, Лизанька, вы о нас забыли, – кричала на всю квартиру Дарья Степановна.

– И совсем не забыла! Сейчас иду и умываться несусь, – отзывалась из кухни Лизавета.

Начиналось умывание собак. Приносились подстилки, чашка, щетки, гребни. Собакам промывали чаем глаза, чистили уши, расчесывали шерсть сначала редким гребнем, потом

частым, смоченным в одеколоне. Затем Дарья Степановна повязывала своим любимцам бантики или, если бывало прохладно, то надевала попоны, летом легкие шелковые, а зимою фланелевые.

Окончив собачий туалет, Дарья Степановна надавала светлый капот и в папильотках отправлялась с собаками в столовую, где ожидала ее сестра с кофе.

– Здравствуйте, Машета. Хорошо ли спали?

– Благодарю, Дашеточка. Я спала отлично, только с вечера немного ныла нога.

Сестры всегда говорили друг другу «вы».

– А я всю ночь промаялась... Боби что-то стонал... Я очень тревожусь, не заболел ли он? Бобик, сядь ни стул! Морка, Тузик, на места!

Все три собаки вспрыгнули на приготовленные стулья и уселись за стол рядом с хозяйкой. Перед каждой лежала клеенка, стояло блюдце со сливками и был мелко наколот сахар. Дарья Степановна повязала им под морды салфетки, собаки поставили передние лапки на стол и стали лакать сливки.

Марья Степановна погладила Боби. Это был толстый уродливый мопс, заплывший жиром.

– Не беспокойтесь, Дашеточка, Боби совершенно здоров: нос у него холодный и сырой. По-моему, вы его очень много кормите.

– Что вы, что вы, Машета. Бобик ест совсем немного. Не голодать же собачке... Ах, я о нем ужасно беспокоюсь! Что вы ни говорите, а по-моему, он нездоров... Какой-то скучный и глаза мутные.

– Дайте ему серы в сиропе.

– Нет! Я сделаю ему ванну и уложу в теплую постель. Машета, вы посидите с Бобиком дома, пока я пойду купить себе кружев? Мне необходимо окончить себе кофточку.

– Посижу, посижу, Дашеточка. Я буду вышивать.

Ванна Бобику была сделана. Дарья Степановна завернула его в простыню, в теплую фланельку и долго носила на руках. Затем уложила его в подушку и завернула в ватное одеяло, специально для таких случаев сшитое. Марья Степановна осталась сидеть около мнимобольного.

Сестры очень любили друг друга и нежно заботились одна о другой.

Марья Степановна во всем уступала Дарье Степашине: та была точно младшее балованное дитя. Вечера сестры проводили однообразно. Дарья Степановна или раскладывала пасьянсы, или возилась с собаками. Иногда она так с ними шалила, бегала и прыгала по комнате, что Марья Степановна смеялась до упаду и поминутно ее останавливала.

– Не шалите, Дашеточка... Вы всю мебель поломаете... вазочки, статуэтки перебьете. Не шалите, вы меня уморите от смеха...

Марья Степановна по вечерам читала. Дарья Степановна читать не любила, видела в этом большой вред и осуждала сестру. Она говорила: «В книгах описывают таких людей, каких на свете не бывает». К людям она была очень строга и находила, что все мужчины – «само ничтожество», что все молодые женщины – «само безобразие», а что «главное зло в жизни – это дети, особенно мальчишки». Спорить с нею об этом было нельзя, – она начинала сердиться и плакать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.